

Отзыв официального оппонента
о диссертации Серебряковой Елены Геннадьевны
«Социокультурная идентичность советских нонконформистов 1960-70-х
годов», представленной на соискание ученой степени доктора
культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Актуальность темы диссертации заключается в том, что до сих пор, при постоянном росте исследований советской культуры, ее семантическое и праксиологическое поле остается довольно размытым, неясны границы между условно «советским» ядром и периферией отечественной культуры. Современные исследователи отказываются от трактовки советской культуры как монолитной, единой на протяжении всего времени ее существования и непротиворечивой. Не получены определенные научные ответы на вопросы о механизмах эволюции советской культуры, о том, является ли ее развитие результатом раскрытия внутренних ресурсов советской специфики или происходит под действием альтернативных сил? Альтернативные, или оппозиционные, сообщества, это источники разрушения и ослабления ядра советской цивилизации или, напротив, ее движущие силы? И главный вопрос: как провести границу между меняющимися взглядами на советский проект внутри него и теми представлениями и практиками, которые можно квалифицировать как несоветские или даже антисоветские? Предметом исследования Серебряковой Е.Г. был выбран феномен советского нонконформизма, который, при всей спорности и неустойчивости использования термина в научной и околонаучной среде, стал продуктивным инструментом поиска ответов на вышеперечисленные вопросы.

Исследовательница столкнулась с изначальной размытостью своего предмета, и это потребовало от нее рефлексии над концептами анализа, позволяющими сделать его более четким. Таких рамок было выбрано несколько: ценности, дискурсы, нормативные образцы, практики, способы письменной презентации. Сам по себе этот набор не вызывает сомнений, он

продуцирует весьма объемное представление о феномене, несомненно, дает приращение знания, но у него есть и недостатки: во-первых, всегда есть опасность эклектики на уровне итогового вывода, во-вторых, отдельные элементы могут встречаться и в других феноменах культуры. Поэтому необходимо было выбрать главный концептуальный ракурс, внутри которого все концепты могли бы дать синтез, представляющий специфику феномена нонконформизма. Можно с уверенностью утверждать, что выбор основного концепта – социокультурной идентичности участников движения – оказался продуктивным.

Именно процесс идентификации, его параметры, динамика сделали исследование стройным, логичным, структурно организованным. Фактический материал, в большом объеме представленный в диссертации, интерпретирован адекватно. Разработанная автором модель анализа феномена нонконформизма имеет большую ценность для культурологии, прежде всего потому, что культура в диссертации понимается как система, объясняющая и описывающая жизнь людей в единстве личных смысло-жизненных мотивов, поступков и деятельности в контексте общественных ценностей и идей. Ценным качеством диссертации является вскрытие динамики внутренних процессов советской культуры сквозь призму биографий отдельных личностей, связанных между собой общими культурно-антропологическими характеристиками, ведущим ядром которых является последовательное и систематическое несогласие с общественно-политическим мейнстримом.

Феномен нонконформизма изучается многими науками, выбор культурологического аспекта в данном случае только на первый взгляд может показаться самым очевидным. Концепт социокультурной идентичности дает возможность показать нонконформизм как самостоятельное явление, процессы формирования которого не зависят напрямую от действий власти и политических трендов, а имеют собственную, *культурную логику саморазвития*.

В выборе *концепта идентичности* и в том, как он применялся и работал в исследовании, скрываются и достоинства диссертации, и ее недостатки, поэтому остановимся на этом подробнее. Положительные стороны концепции идентичности в применении к группам, отдельным персонам, разноплановым текстам, акциям на протяжении нескольких десятилетий заключаются в том, что позволяют анализировать разрозненные, институционально неоформленные, идейно неустойчивые, аксиологически пестрые проявления того, что можно назвать несогласием с существующим социальным порядком. Источники несогласия, его масштаб, активность проявления, набор объектов отрицания настолько разнообразны, что уловить нечто общее между ними можно, только полагаясь на фиксирование процедур самоидентификации, с одной стороны, и идентификации со стороны власти и общества, с другой. Иначе говоря, *нонконформизм не может быть выявлен как набор объективно данных социокультурных признаков*, так как это всегда – номинация, которая присваивается либо референтной группой, которая оперирует понятием «свои», либо другими группами, оперирующими понятием «чужие». Признаки «своего» и «чужого» могут сильно варьироваться, постороннему взгляду, особенно человека из другого времени, казаться неочевидными и непонятными, но они всегда действуют в плане размежевания.

Серебрякова Е.Г. очень добросовестно и грамотно, опираясь на широкую базу источников, всесторонне использовала эти положительные моменты концепции идентичности. Мотивы, которыми руководствовались участники движения, способы самопрезентации описаны подробно, в исторической динамике. Достоинством избранной концепции можно считать и то, что все составные моменты идентификации: ценности и дискурсы, поведенческие и письменные стратегии были трактованы как дополняющие друг друга, и в итоге складывается довольно целостный и содержательный портрет советского нонконформиста. Автор всячески избегает редукционизма, упрощения в толковании поведения, мотивов и ценностей своих героев,

картина в целом предстает сложная, разнообразная. Этому способствует тщательное исследование множества самиздатовских или полуофициальных изданий, выражающих позиции самых разных групп нонконформистов, на первый взгляд придерживающихся совершенно противоположных взглядов на социализм, прошлое и будущее России, опирающихся на альтернативные друг другу мировоззренческие базы, в разбросе от религиозных до националистических и либеральных.

В то же время в концепции идентичности и в том, как она была использована в работе, проявились и некоторые трудности, преодолеть которые не вполне получилось. Первое, на что нужно указать, это неопределенность авторской теоретической проработки *концепций идентификации*. Во введении сделан очень краткий обзор теоретических подходов к проблеме идентичности, но какая из концепций оказалась для автора предпочтительной, осталось неясным. Прежде всего, это касается проблемы различения коллективной и персональной идентичности. При этом, читая работу внимательно, можно обнаружить более-менее последовательное акцентирование на групповой идентификации. В эмпирической базе присутствует анализ личных авторских стратегий, автобиографий и в целом очень много материала об отдельных персонах (и это несомненный плюс работы), но в каждом конкретном случае *решающее слово в процедуре определения причастности той или иной личности к нонконформистам принадлежит сообществу*. Именно его мнение, выработанные в общем опыте поведенческие практики, преемственность деятельности, коммуникативные связи, внутренняя иерархия авторитетов, образцы самопрезентации, общий габитус, наконец, история самого движения, создаваемая его участниками, – все это заставляет сделать вывод о советском нонконформизме как о сообществе, как о коллективном деле, в котором персональная идентичность кого-либо как нонконформиста формируется значимыми «другими», становящимися «своими». И если бы Елена Геннадьевна руководствовалась концепциями коллективной

идентичности осознанно и последовательно, результаты исследования обрели бы более прочную теоретическую базу. К сожалению, в работе часто описательный подход преобладает над аналитическим, что проявляется в излишне подробном восстановлении фактов, обстоятельств, обильном цитировании хорошо известных документов, публицистических текстов, и это далеко не всегда связано с приращением нового смысла.

Различение персональной и коллективной идентичностей в рамках цели и задач данного исследования считаю важным и принципиальным, так как это уберегает от целого ряда путаницы и слишком прямолинейных выводов. Если бы в центр исследования была поставлена проблема персональной идентичности неконформиста, вся логика и структура работы должна была бы существенно трансформироваться в сторону личностных, прежде всего – экзистенциальных, – вопросов и соответствующей методологии. Определение своего «Я» в мире, – и в советском в том числе, – было бы основным предметом внимания, а критерии самоидентификации имели бы всего один источник – эго-документы и другие тексты, где анализ самосознания или нарратива дал бы исчерпывающий ответ относительно того, связывает ли личность свое «Я» с советским миром, или оппозиционным. И тогда вряд ли бы удалось очертить круг тех, кого можно идентифицировать как неконформистов, так как этот круг мог оказаться в пределе безразмерным.

А в тексте Серебряковой мы встречаем вполне определенный, не очень большой и хорошо известный по другим источникам набор имен, чья биография и деятельность не нуждаются в специальной процедуре идентификации, настолько очевидна их принадлежность к неконформистскому дискурсу: Солженицын, Буковский, Вигдорова, Горбаневская, Гинзбург, Орлова и др. Здесь исследователя подстерегает теоретическая ловушка, так как этот известный набор уже существует в истории культуры и науки как готовый, не нуждающийся в поиске и тем более в теоретическом обосновании, и новые имена появляются во многих

исследованиях только как расширение этого известного круга: помощники, ученики, словом, те, кто был причастен к деятельности ядра, кто опознавался изнутри как «свой». А это означает, что процедуры идентификации кого-либо как нонконформиста обладали своей спецификой по сравнению с другими идентичностями условно «несогласных». Иначе говоря, не всякий факт несогласия с устройством социального порядка, с доминирующей художественной программой, политическими решениями может быть отнесен к феномену нонконформизма.

Автор диссертации не рефлексировал на эту тему специально, но если следить за ее логикой, подбором материала, предлагаемыми рамками интерпретации событий, биографий и текстов, то границу между теми персоналиями, которые с высокой степенью определенности можно отнести к нонконформистам, и остальными «несогласными», провести можно. Как доказывает автор на протяжении объемного исследования, на всех этапах развития нонконформистского движения его участники демонстрируют воспроизводство как минимум трех обязательных моментов: дискурса, ориентации на образцы, типы социального поведения. Напрашивается вывод, что если хотя бы один из этих компонентов выпадает, квалифицировать персону как носительницу нонконформистской идентичности не представляется возможным. Всех нонконформистов, как следует из логики исследования Серебряковой, объединяет *общее дело*, и в этом смысле было бы точнее говорить не просто о нонконформистах как отдельных личностях, но, прежде всего, о сообществе, сообществе в том смысле, как это теперь трактуется в современных социальных науках («воображаемые сообщества», «виртуальные сообщества», и т.п.). Автор исследования, даже не формулируя подобный вывод, убедительно доказывает, что круг мотивов, ценностей и поступков ее фигурантов может быть адекватно оценен только изнутри истории сообщества и его движения, где все наполнялось смыслом благодаря коллективной оптике, общим целям и этическим принципам.

Диссертантка прекрасно отдает себе отчет в том, что относительно небольшое сообщество формировалось в контексте близких идей, и много места уделяет изучению интеллектуальной почвы, имеющей вполне легитимное существование. Возникает картина соотношения ядра и фона: ядро отчетливо отграничивает себя, фон дает ему поддержку, питает и создает уверенность в правоте. В работе анализируется большой круг академических дискуссий, появление новых научных направлений и концепций, которые, безусловно, нельзя отнести к нонконформистским, исходя из разработанной автором модели, но оказавших огромное влияние на развитие нонконформистского движения. Речь идет о психологах Рубинштейне и Выготском, этике Дробницком, философах Щедровицком и Ильенкове, гуманитариях широкого профиля – Бахтине и Лотмане, и т.д. Привлечение этого материала следует отнести к несомненным плюсам исследования, так как он доказывает, что нонконформизм не был сугубо маргинальной, герметичной и замкнутой на себя субкультурой, а развивался за счет открытого взаимодействия с самыми продуктивными и инновационными проявлениями легитимной и публичной советской интеллектуальной жизни, включая и современные доступные западные источники (например, философский и художественный экзистенциализм). Это перспективный ход – сопоставлять интеллектуальные, научные, академические поиски с общественными настроениями и дискурсом нонконформизма, но не всегда автор последовательно его выполняет. Кроме того, можно находить противостояния с официальным дискурсом и в других сферах советской науки: истории философии, эстетике, социологии, гражданской истории, и в гораздо более критической форме, чем у тех интеллектуалов, которые в тексте рассматриваются.

Сложность определения понятия нонконформизма и выявления его границ с аналогичными феноменами имеет в исследовании амбивалентное значение. С одной стороны, Елена Геннадьевна затрачивает большие усилия для прояснения и содержания понятия, и акцентирования его границ.

Собственно, модель анализа, включающая в себя необходимый и достаточный набор признаков (от личных мотивов до социального значимого поступка), успешно справляется с этой задачей: пользуясь предложенными маркерами, мы с большой долей уверенности можем обнаруживать новых фигурантов и составлять их культурно-антропологический и социальный портрет. Эта модель интересна и своими аналитическими ресурсами для исследования разного рода оппозиционных феноменов и за пределами советского периода.

С другой стороны, если применять эту модель последовательно, то непротиворечиво ей будут *соответствовать только участники диссидентского движения*. Это подтверждает и эмпирический материал: автобиографии, мемуары, литературно-публицистические тексты диссидентов анализируются подробно, всесторонне. Именно диссиденты и круг их влияния в наибольшей степени соответствуют семантическому и праксиологическому ядру концепта нонконформизма, как он трактован в работе Серебряковой. И прежде всего анализ этого круга обладает теоретической новизной, цельностью и согласованностью методологии и эмпирики. Но в гипотезе автора и «шестидесятники» трактуются как одна из исторических форм и этапов нонконформизма, а эта часть исследования выглядит не очень убедительной, и, что важнее, не слишком эвристичной, вторичной и реферативной.

Вся концепция стала бы более аргументированной, если бы описание элементов несогласия с официальной практикой социализма в первое послесталинское десятилетие было интерпретировано как *этап зарождения нонконформизма, его предтеча*. Понятно, что исследовательница стремится всячески подчеркнуть линию преемственности в разных поколениях нонконформистов, выявить в ней логику движения от полного согласия с официальным курсом власти на преодоление сталинского наследия в конце 1950-х – начале 1960-х годов до бесповоротного разрыва с идеей социализма в начале 1980-х. При такой настойчивости *предмет исследования начинается*

расширяться до истории оппозиционных умонастроений (в областях искусства, религии, идеологии, науки) всех отрядов советской интеллигенции. Но богатый материал диссертации сопротивляется такой расширительной интерпретации. Все, что касается той части исследования, где описывается диссидентский круг, убедительно и основательно. Теоретическая конструкция органично стыкуется с эмпирическим материалом, не ломая его под себя. В итоге получилась очень интересная, системная и перспективная трактовка *социокультурной идентификации диссидентов как своеобразной субкультуры*. Понятие субкультуры здесь хорошо бы работало, так как большинство характеристик диссидентства раскрываются автором именно как культурные, а не политические, так как в итоге все они складываются в некий образ жизни, последовательно реализуемый в общности целей социальной деятельности, понимании смысла жизни, истории и своего места в ней, этических норм и поступков, принципов письма.

Отмеченные нами моменты несоответствия гипотезы, выбранного понятийного инструментария и эмпирического материала обнаруживаются и *на уровне качественной оценки автором всей деятельности нонконформистов*, ее социальной эффективности и итогов к концу советской истории. Сам факт, что автор берется за решение таких задач как подведение итогов жизни длительного и сложного социокультурного феномена, свидетельствует об аналитической смелости, так как вопросы социокультурной эффективности одни из самых сложных. До сих пор нет грамотно опробованного инструментария замера степени влияния тех или иных текстов, поступков личностей, даже исторических, на изменение культурной ситуации. Также трудно найти весомые и проверенные критерии оценки глубины, сложности и прочих признаков смыслового богатства культурных феноменов.

Диссертантка для решения этих задач в итоговых выводах использовала концепт *тезауруса нонконформизма* и констатировала его истощение к

началу 1980-х годов. Это очень важный, и на наш взгляд, спорный вывод, поэтому приведем наши аргументы.

Трудно согласиться с тезисом об истощении тезауруса неконформистов, так как нигде подробно и предметно это не доказывается, критерии развитости тезауруса не представлены. Само понятие тезауруса, которое возникает у автора эпизодически, очень интересное и многообещающее в плане решения задачи оценивания и самого наследия неконформизма, и динамики его развития. Тезаурус как концепт вышел за пределы сугубо лингвистического поля, и все чаще под ним понимается словарь культуры того или иного сообщества или личности. Сейчас существуют научные направления, где тезаурус трактуется как «основа социального конструирования реальности... если под последним понимать деятельность ... субъекта, взаимодействующего с миром в режиме диалога и “обмена ударами“, или иначе — импульсами активного воздействия» (Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. Методология тезаурсного подхода: стратегия понимания//Знание. Понимание. Умение. 2014, №1). В силу этого плодотворным оказывается использование тезаурсного подхода для осмысления и организации социокультурных процессов, где тезаурусом представители этого подхода называют «полный систематизированный состав информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности, позволяющий в ней ориентироваться. Оси тезауруса — в системе координат “свой–чужой“, которая обеспечивает ориентацию человека в окружающей среде» (там же). Елена Геннадьевна не обозначила тезаурсный подход среди своих методологических предпочтений, но по факту можно на протяжении всего исследования найти аналогии с ним, когда, например, во второй главе вычленяются нормативные поведенческие стратегии и образцы, а в третьей главе — сходство нарративов текстов любых жанров и авторства (индивидуального и группового), созданных участниками движения либо в расчете на «своих», либо на иных адресатов.

В этом плане осталось неясным, что имеется ввиду под «истощением тезауруса советского нонконформизма» на протяжении всего периода его существования. В тексте несколько раз встречается следующая объяснительная конструкция: «Специфика диссидентского дискурса (представительство автора от лица всего сообщества, однотипность осмысления современной реальности, ограниченность тем и мотивов, обращение к определённом набору поэтических приёмов, ориентация на “своего” читателя) являлась результатом вынужденного социального обособления сообщества и имела следствием истощение тезауруса». Налицо логическое противоречие: тезаурус и есть, по сути, ограниченный набор тем, мотивов, приёмов, связанный с функцией формирования сообщества «своих» и его ориентацией в социальном пространстве. Это не является ни хорошим, ни плохим качеством, а только функциональной спецификой. Очевидно, что термин «тезаурус» не покрывает всего богатства заявленных в диссертации тематизаций, по которым автор исследования определяет границы идентификации сообщества нонконформистов.

Кроме того, здесь неточно выявлены границы между причинами и следствиями, в данном случае между обособлением сообщества в социуме и формированием специфики диссидентского дискурса. Есть время формирования социальных сообществ, когда они определяются с самоидентификацией, которая, прежде всего, выражается в дискурсе, а затем наступает период зрелости, характеризующийся высоким уровнем самосознания и ответственности, за которыми стоит длительный опыт, дающий основания верить в эту идентичность и держаться за нее, как за проверенную временем и страданием. Этап зрелости неизбежно сопровождается стабилизацией, замедлением темпов развития, повторением уже найденного, отсутствием гибкого реагирования на включение в себя других элементов, часто нарастанием изоляционных настроений. Все эти универсальные процессы характерны и для движения нонконформистов, но остается непонятным, что конкретно происходит с тезаурусом: в нем

усиливаются элементы повторов? он тематически сокращается? Уменьшается набор поведенческих стратегий?

Критическую реакцию вызывает также оценка состояния нонконформизма к концу советской истории как отчужденного. Серебрякова Е.Г. использует *концепцию отчуждения* для решения нескольких задач. Само понятие отчуждения применяется часто, но каждый раз в новом смысле. Отчуждение общества от политики власти трактуется как источник роста протестных настроений, но не объясняется, в чем конкретно проявляется эта форма отчуждения, невольно возникает предположение, что до начала «оттепели» никакого отчуждения не было, и только в шестидесятые годы оно либо возникло, либо обнаружило себя.

Но чаще автор говорит *об отчуждении самих нонконформистов от государства и общества*, и это уже вызывает серьезное несогласие, так как здесь, видимо, под отчуждением имеется ввиду нечто совсем другое, чем в первом случае. Аргументы, которые приводятся в пользу этого тезиса, сводятся к фиксации утраты веры в социализм, его будущее; отчуждение связывается с разочарованиями в политическом курсе партии и недовольством непоследовательностью проведения антисталинской программы; с трезвым пониманием трудности и длительности пути достижения цели общего дела; с тенденцией к укреплению внутренних коммуникаций в сообществе и его организационных действий и т.п. Сами по себе все эти черты эволюции нонконформизма показаны исторически верно, они соответствуют данным из других исследований. Но трактовка всего комплекса трансформаций социокультурной идентичности нонконформистов как неуклонно набирающей в своем составе черт социального отчуждения не имеет основательных, прежде всего – теоретических – доказательств.

Более того, один из пунктов заключения по итогам всего исследования сформулирован таким образом:

«Поведенческие образцы и формы протестной активности усваивались сообществом и в процессе тиражирования становились нормой,

корректировались в соответствии с новыми социокультурными реалиями и интенциями нонконформистов и проходили селекцию. Нормативное поведение закреплялось в сознании членов сообщества, продолжало внедряться в социальную практику и систему внутригрупповой коммуникации, определяло основные формы деятельности и взаимодействия членов сообщества, слагалось в системообразующее ядро контркультуры» (Заключение диссертации, с. 467). Перед нами полная характеристика зрелого, нормального, здорового социокультурного образования, владеющего арсеналом адаптации к меняющимся обстоятельствам, постоянно совершенствующего набор способов достижения своих целей, укрепляющего свое внутреннее единство, озабоченного разнообразием практик, демонстрирующего высокий уровень самосознания. Это умозаключение находится в явном противоречии с выводом о нарастании отчуждения сообщества нонконформистов от советской культуры и истощении его тезауруса.

Наоборот, и в этом пункте, и на протяжении всего текста автор доказывает обратное: нонконформисты прошли сложный путь внутри советского общества, постепенно наращивая моменты собственного видения прошлого, настоящего и будущего страны. Этот процесс, сопровождающийся все более углубленной и масштабной критикой доминирующего порядка, можно квалифицировать, скорее, как *отделение от общепринятых*, но принимаемых все более формально, принципов советской жизни. Отделение от принципов, но не отчуждение от общества. Классическая концепция отчуждения объясняет источник превращенных, – а в марксистской трактовке – искаженных, ложных, – представлений об устройстве социального мира. Все интенции (и тезаурус) нонконформистов были направлены, как это верно констатирует автор, на «правду», на приведение в соответствие провозглашенных программ и реальных действий. В этом отношении за несколько десятилетий и смен поколений, разочарованиях и нравственных деформациях отдельных личностей в нонконформизме

существенных изменений не было. И в этом смысле сообщество, при всех своих слабостях и ошибках, было гораздо *меньше подвержено процессам отчуждения, чем большинство.*

Следы кризиса и нарастания отчуждения автор исследования видит там, где необходимо фиксировать противоположное явление. Например, Елена Геннадьевна пишет: «Мировосприятие В. К. Буковского было свойственно молодому поколению нонконформистов, утратившему иллюзии гуманизации социализма, духовного и идеологического пробуждения соотечественников». Но утрата иллюзий – процесс, указывающий на излечение, способствующий более трезвому и адекватному анализу ситуации и ее перспективы, и совсем необязательно ведущий к деградации, а именно это, как нам показалось, автор числит за последствием отчуждения в нонконформистской среде.

Все указанные моменты носят дискуссионный характер, и не могут быть окончательно решены в рамках одной работы. Наличие спорных положений свидетельствует о том, что автор диссертационного проекта построила сложную, многоступенчатую и разветвленную систему координат, пользуясь которой идущие за ней исследователи культуры, а также все, кто интересуется способами описания сообществ, их идентификации, могут получить в руки весьма результативный инструмент анализа. Кроме того, значение этой работы важно для истории советской культуры, в которой, с помощью Елены Геннадьевны, уменьшилось количество белых пятен.

Представленная диссертация является актуальной, самостоятельной, завершенной работой, в которой на основании проведенного автором фундаментального исследования на базе большого количества эмпирического материала, в том числе и малоизученных источников, достигнуты результаты, которые можно квалифицировать как научные достижения. Автореферат и публикации (46, из них 21 в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК и WOS) отражают содержание диссертации.

Диссертация Серебряковой Елены Геннадьевны «Социокультурная идентичность советских нонконформистов 1960-70-х годов» соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Елена Геннадьевна Серебрякова заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Татьяна Анатольевна Круглова,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

30 июля 2021 года

Т.А. Круглова
Заведующий сектором
С.В. Муравьев
ОТДЕЛ ВЕД. ДОКУМЕНТОВЕД.